

190

Собеседник

Победитель
Всероссийского
фестиваля
«Русское слово»

**Заговори,
чтоб я тебя
увидел**

Борис Касаткин живёт и работает в Ульяновске, но своим родным городом считает Казань. Здесь он появился на свет, провёл раннее детство. Затем семья переехала в Ульяновск, но притяжение Казани не отпускало. Спустя годы, Касаткин вернулся в родной город, стал студентом Государственного университета, из стен которого вышел дипломированным журналистом. Опять же в Казани он встретил свою Тамару – будущую спутницу жизни.

После университета Борис работал в средствах массовой информации Ульяновска, затем махнул на Крайний Север, где долгие годы редактировал одну из ведущих газет Якутии «Ленский вестник». Сейчас возглавляет консалтинговую фирму, специалисты которой востребованы во многих регионах России. С пером, по его выражению, не расстанется, но в газеты писать перестал.

...Недавно Касаткин приехал в Казань по каким-то своим делам. Позвонил. Мы долго бродили по городу, зашли в университет, постояли у памятников Державину, Тукаю, Джалилю, прошлись, конечно, по Баумана.

И он всё вспоминал, вспоминал...

– Казань для меня всё равно, что поток свежего воздуха. Это молодость, споры о журналистике и творчестве вообще, возрастающая уверенность в своих силах. Это друзья, которые с годами, по счастью, не растерялись. Это Казанка, куда мы приходили с учебниками, но так их и не открывали. Горбатые улицы, скверы и парки, Кремль... Добрые, отзывчивые люди... Маяковский как-то сказал, что когда у него не будет ни копейки, он обязательно поедет в Казань. Как же без копейки можно купить билет? – поинтересовались у поэта. «И на билет мне вышлет моя Казань», – ответил он. Кстати, Маяковский – главным образом в силу своей самобытности – был в нашей среде весьма популярен.

О нём спорили, ему подражали. Я стихами не баловался, но как-то раз тоже не удержался:

**Брод казанский –
улица Баумана,
выйдешь вечером,
разинешь пасть –
и покроет реклама цветастая
трехэтажным неонам всласть!**

– Эмоции переполнили?

– Да. Помню, очень сильное впечатление произвёл на меня вечерний город. Мы вышли на казанский Бродвей, «Брод», как тогда говорили, и поразились его атмосфере. Улица Баумана сияла, гудела троллейбусами, смеялась и вовсе не собиралась спать. Позже я убедился, что Ульяновск проигрывал Казани не только по ритму жизни. Сегодня, на мой взгляд, контрасты стали ещё заметнее. Но не в этом дело: мой город, моя любовь – это Казань. С каждым её уголком связана какая-нибудь памятка. Отдельная песня, конечно, университет.

– *И какая же она?*

– *Добрая, умная, весёлая. Мы действительно хотели учиться, мечтали стать профессионалами. С большинством преподавателей установился хороший контакт, завязались неформальные отношения. Нет, там не было ни намёка на панибратство, ни расчёта на экзаменационные поблажки. Просто со временем мы всё больше вникали в журналистскую кухню, пытались стряпать самостоятельно и не всегда по рецептам наставников. Начинались споры, в которых нередко «старшие товарищи» признавали нашу правоту.*

На курсе у нас со временем образовалось несколько альянсов, что ли: где-то преобладали земляческие настроения, кто-то сблизился на почве общих увлечений, особняком держались тихони и студенты без особых амбиций. Была своя компания и у нас: Володя Филимонов, Евгений Шурмелёв, Ахат Мушинский, Николай Блинов, Анатолий Тасеев, Шамиль Гафиятуллин, Иван Овечкин... Ребята контактные, заводные, ироничные, уверенные в своих силах. Позже практически все стали крепкими журналистами, кто-то пошёл дальше, в литературу. Хочу заметить, что, уже работая в редакциях, мы чаще всего представлялись газетчиками, корреспондентами и только в особых случаях – журналистами. Профессионалы относятся к этому слову трепетно и всуе, по мелочам, не используют.

– *Университет запомнился только учёбой?*

– Нет, конечно. Много чего интересного в студенчестве было. Встречи с известными людьми, театральные вечера, всевозможные поездки. А уж забавных историй случалось – не перечить.

– *Например?*

– Например, вот такая. Я уже называл это имя – Иван Овечкин. Наш рыжеусый приятель был добродушным и порядочным парнем, он чутко реагировал на несправедливость, жил без подлянки в душе, а потому являлся любимцем всего курса. Учился Овечкин сред-

не, но не в силу ограниченных способностей, а потому что был изумительным лентяем. Между тем, язык у Ванюшки работал на славу, он много читал, хорошо знал мировую литературу, но ко всякой программной обязательке относился без почитания. В конце концов, это и обернулось конфузом.

В тот день мы сдавали один из многочисленных экзаменов по литературе. Обычно невозмутимый Овечкин вылетел из аудитории, как пробка, обалдело глянул на сокурсников и с воплями: «Реализм социалистический! Проститутки! Напьюсь!» – ринулся вниз по лестнице.

Ничего не понявший народ выпал в осадок. И только позже мы узнали причину этого всплеска эмоций.

На экзамене Ивану надо было дать трактовку социалистического реализма, о которой он не имел ни малейшего представления. Зато в голову почему-то лезли падшие героини Мопассана, боровшиеся с подлыми оккупантами, затем он вспомнил грезящих о свободе страдалиц Чернышевского, Гаршина, Толстого, Куприна. И тут Ваню осенило: женщину нередко сравнивают с революцией, а где баррикады – там и социалистический реализм. Своим красноречием Овечкин надеялся убедить в этом экзаменатора и решил, что спасение найдено.

Он никого не забыл – ни Пышку, ни супругу лейтенанта Шмидта, ни вторую жену Некрасова, ни блоковскую Незнакомку, а завершил свой ответ красочным описанием известного полотна Эжена Делакруа.

– Значит, – озадачился преподаватель, – если проститутка с красным флагом вышла на баррикады, это и есть социалистический реализм? Вы уверены, молодой человек?

В общем, не проскочило тогда у Овечкина, и он ещё долго потом убеждал нас в том, что преподаватель, страдающий отсутствием образного мышления, должен менять профессию.

– *А как вообще пришло решение связать себя с журналистикой?*

– Я ещё в школе весьма прилично писал сочинения, редактировал стенгазету. Однажды к отцу, преподававшему в Ульяновском пединституте немецкий язык, зашёл его бывший студент. Он рассказал, что, выучив французский, уехал по направлению в Мали и работает в тамошней школе. Меня это заинтересовало, я решил написать заметку для ульяновской «молодёжки». Предложил соавторство одному своему приятелю, у которого уже был опыт публикации в газете. Написали, отнесли опус в редакцию. Через пару недель с огромным удивлением увидели свою статью в главной областной газете. Оказывается, что мы зашли не в ту дверь, а обе редакции находились в одном здании.

Потом была армия, публикации в окружных газетах. Замполит стал пробивать направление для поступления на факультет журналистики Львовского высшего военно-политического училища. Но я человек сугубо гражданский и от карьеры в погонах отказался.

– *Может, зря?*

– Нет, у меня всё сложилось успешно. Совсем молодым начал работать в областной газете «Ульяновская правда» – корреспондент, старший корреспондент, заведующий отделом. Статьи, без «руки» Казани и тут не обошлось.

– *Это как же?*

– В ту пору главой Ульяновской области был Анатолий Андрианович Скочилов, работавший ранее вторым секретарем Татарского обкома КПСС. Человек властный, своенравный, деспотичный. О демократии Бабай – так называли «первого» за глаза – не имел никакого представления, но область при нём резко шагнула вперед. Так вот, Скочилов пригласил возглавить «Ульяновскую правду» Михаила Андреевича Колодина, редактировавшего «Советскую Татарию». И в «конторе» начались большие перемены. Новый шеф набрал много молодёжи, не уставал возиться с ней, помогал раскрываться. За его спиной начались перешёптывания, «мальчишеский призыв» подвергали обструк-

ции, опасались, что газета потеряет лицо. Колодина это не смущало: во-первых, за ним стоял Бабай, а во-вторых, он был уверен в своей правоте. «Я не на партийный стаж смотрю, а на перья», – открыто говорил Михаил Андреевич. И газета лицо не потеряла, она его изменила, причём в лучшую сторону. Тираж рос без всяких обкомовских понуканий. Но вот уходит из жизни Скочилов, спустя год скоростижно умирает Колодин. На его место заступает обкомовский «засланец», который высушил «Ульяновскую правду» донельзя. Она превратилась в агитку не самого лучшего качества, вчерашний тираж начал казаться сном. Сама редакция стала походить на казарму – никакого инакомыслия, никаких творческих изысков. Зато сановный рык можно было услышать в любом количестве и в любое время суток. И многие колодинские «птенцы», уже оперившиеся и окрепшие, покинули родное гнездо. Был в их числе и я.

– *Потом началась северная эпопея?*

– Да, Якутия. Я жил в Ленске – это один из ключевых городов алмазной провинции. Климат, конечно, там экстремальный. Зимой жуткие, до 60 градусов, морозы, летом изнуряющая жара. Правда, в июне там ещё не лето, а в августе – уже не лето. Но запомнился мне Север не морозами, а своей удивительной историей, уникальной природой и людьми. Народ там отзывчивый, доверчивый, дружелюбный. В Якутии осталось много друзей, контакты с которыми я поддерживаю и по сей день.

– *Сейчас ты с головой ушёл в бизнес, добился успеха. Далеко не всем людям творческим это занятие по душе: правила игры тут жёсткие и не всегда корректные. Как ты сумел вписаться в бизнес? Отодвинул творчество на второй план? Или оно вообще в прошлом?*

– Насколько я понимаю, вопрос не о творчестве, а о нравственности. Давай вспомним Бертольда Брехта. Для него нравственная ответственность перед собой и обществом – понятия свя-

Борис Касаткин – студент
Казанского государственного университета

тые и неразделимые. И в то же время ему принадлежит высказывание: «Сперва еда, потом мораль». Вот и у меня примерно так получилось. Что же касается бизнеса вообще, то я без уважения отношусь к распространённой схеме «купи – продай». И сам не луком торгую. Мы работаем на рынке интеллектуальных услуг: издательское дело, видеопродукция, консультирование в области политического управления. Главный капитал фирмы – это мозги наших журналистов, креативщиков, политологов, дизайнеров, телевизионщиков. Все творческие концепции разрабатываем и воплощаем в жизнь самостоятельно. «Высший пилотаж» достигается благодаря профессионализму и слаженности команды, которая чутко реагирует на изменения рыночной ситуации, постоянно создаёт и предлагает новые решения и технологии. Сам я далёк от «чистого» администрирования, всегда, что называется, в игре. Занимаюсь политмаркетингом, работаю над

сценариями видеофильмов, текстами эксклюзивных изданий. Как и раньше, очень требовательно отношусь к языку. В прошлом году убедился, что навыков не растерял.

– Я знаю, что ты стал победителем Всероссийского фестиваля «Русское слово», финал которого проходил в Санкт-Петербурге. А как всё это получилось?

– Началось всё с объявления в «Аргументах и фактах». Газета сообщила, что Российское общество преподавателей русского языка и литературы и Санкт-Петербургский государственный университет при содействии Федеральной целевой программы «Русский язык» и Благотворительного фонда В. Потанина проводят конкурс «Русское слово». Я прочитал условия и решил не то чтобы попытать счастья, а проверить в первую очередь самого себя.

Конкурс проходил по трём категориям: школьники, студенты и все остальные, независимо от возраста и профес-

сиональных интересов. Первые два тура были заочными, в них участвовало свыше 30 тысяч человек не только из России, но из всех стран СНГ, Прибалтики и даже из Японии. Тестирование для меня труда не представило. Нужно было, например, определить, какое из имён не связано с происхождением русской грамматики, кто впервые употребил букву «ё», какое значение имело прежде слово «дюжинный» и так далее. Задание второго тура: написать эссе на тему «Русский язык – ключ к жизненному и профессиональному успеху». Тут уже шла практически чистая журналистика. Я вспомнил одну историю, услышанную на Севере, и обыграл её в нужном ключе, получился небольшой рассказ. В конце мая прошлого года в Санкт-Петербург пригласили 75 финалистов – по 25 человек от каждой из категории. Пришло приглашение и мне.

В северной столице для нас устроили вечер словесности, состоялась встреча с духовенством, был проведён круглый стол, где разговор шёл о состоянии современного русского языка. Затем прошёл ещё один этап конкурса, который определил суперфиналистов, удача улыбнулась мне и здесь.

Заключительная церемония фестиваля состоялась в знаменитом зале Двенадцати коллегий Петербургского университета. Среди почётных гостей – Людмила Путина, губернатор Санкт-Петербурга Валентина Матвиенко, в числе зрителей и болельщиков – деловая и политическая элита города, писатели, журналисты, филологи, богословы, актёры, студенты. Последнее задание – экспромт на тему «Не силою власти, а промыслом Божиим». Наибольшее количество баллов жюри присудило мне. Я стал победителем в своей категории и получил из рук Людмилы Путиной медаль, диплом, видеокамеру и бронзовый колокол как символ языка ещё со времён Герцена. Кстати, среди школьников второе место было присуждено выпускнице гимназии № 8 из Казани Марии Красновой. На прощальном ужине, куда были приглашены победи-

тели и призёры фестиваля, мы с Машей оказались соседями по столу. Девушка влюблена в русский язык и хотела поступать именно в Санкт-Петербургский университет. Сбылась ли её мечта, не знаю.

– Читал, что твоему тосту на том прощальном ужине аплодировали Людмила Путина и Валентина Матвиенко.

– Не знаю, почему этому эпизоду уделили такое внимание. Да, меня попросили произнести тост, и в тот момент я вдруг вспомнил совершенно идиотскую рекламу: если в слове «хлеб» сделать четыре ошибки, то получится «пиво». Предложил поднять бокалы за жизнь без ошибок. В первую очередь я имел в виду, конечно, русский язык, русскую словесность. Ведь ситуация тут сегодня не из лучших. В России вырастает поколение, которое относится к языку без уважения, просто не знает его. Даже средства массовой информации страдают безграмотностью и косноязычием, а ведь главным инструментом любого журналиста является слово. Невольно появляются грустные мысли: талант и интеллект ценятся у нас всё меньше, планка национальной культуры падает.

– А почему такое стало возможным?

– В 90-х годах прошлого столетия государство утратило интерес ко многим аспектам нашего бытия, следом было потеряно и влияние. Новые идеалы отодвинули на задворки жизни культуру, образование, здравоохранение. Россия стала деградировать. Некоторые и по сей день не понимают, что без высокого уровня культуры по-настоящему демократического общества просто не может быть. Добавлю, что забвение этой истины наносит ущерб не только нравственным ценностям, но и сильно вредит тому же бизнесу, экономике в целом. Я глубоко убеждён, что одними профессиональными навыками сегодня многого не добьёшься. Нужно уметь налаживать контакты, вести переговоры, располагать к себе людей. Нужна,

в конце концов, репутация. А вызвать симпатию и доверие к себе может лишь тот, кто свободно владеет своим языком. Убогость слога выдаёт человека с головой, но у нас всё ещё распространено мнение, что бизнесмен должен говорить по-английски чисто, а по-русски – чисто конкретно.

– 2007 год Указом Президента России объявлен Годом русского языка. Есть ли, на твой взгляд, надежда, что это мероприятие будет действительно способствовать укреплению позиций нашей словесности?

– Я рассчитываю на большее. Ведь Год русского языка – это не только лекции, конкурсы, спектакли, литературные вечера. В рамках этого мероприятия мы обязаны повести разговор о России в целом, о её истории, сегодняшнем и завтрашнем дне. Нужно раз за разом обращаться к русской культуре, к её истокам, ведь язык как раз и является носителем культуры.

Русское слово многолико, но только

литературный язык вобрал в себя огромное богатство народной мудрости. Это пословицы, поговорки, крылатые выражения, которыми ещё в древней Руси умело пользовались златоусты. Ими восхищались, к ним прислушивались. Правильная, красивая речь свидетельствовала об особых талантах и открывала путь к успеху.

Сократу принадлежит такое высказывание: «Заговори, чтоб я тебя увидел». Я думаю, что живи великий грек сегодня, он не смог бы составить для себя однозначного представления ни о человеке из России, ни о стране в целом. С одной стороны – восхищающая образность речи, с другой – нищета мысли и слова. И всё же уверенность, что завтра всё будет иначе, меня не оставляет. Есть надежда, что вновь сработает наша национальная традиция: лучше всего концентрироваться, преображаться, выживать, наконец, мы умеем именно в критические моменты.

На этом, наверно, можно было бы ставить точку. Но в нарушение законов жанра, хочу закончить эту публикацию ремарками, которые, как известно, позволительны не только в драматургии и зачастую становятся идеальным средством привнесения дополнительной информации.

* * *

Имя Бориса Касаткина в журналистских кругах Якутии произносят с уважением и сегодня. Коллеги всегда ценили его лёгкое и умное перо, организаторский талант, коммуникабельность. Борис быстро адаптировался в рыночных отношениях и сумел сделать «Ленский вестник» рентабельной газетой. И это в условиях Крайнего Севера, где расходы только на транспорт, тепло, электроэнергию превышают все мыслимые пределы. Когда я стал редактором газеты в Мирном, то многое позаимствовал у Бориса, многому научился. Вот только его способность мгновенно оценивать ситуацию, цепкость, предприимчивость мне перенять не удалось. И не только мне. Помню, как на одном республиканском совещании практически все руководители СМИ заканчивали свои выступления просьбами о деньгах. Заместитель председателя правительства Якутии на это отреагировал

так: «Касаткин почему-то не просит, значит, не бедствует. Вы вечером соберитесь у себя в гостинице, водки выпейте. И попытайте его, как можно без дотаций работать».

Борис потом пошёл ещё дальше. Он сумел убедить «алмазников» в том, что если редакция обзаведётся собственным полиграфическим оборудованием, то сможет выпускать не только газету. Так в Якутии появилось первое редакционно-издательское объединение, которое стало хорошо зарабатывать. Позже, когда Касаткин уже вернулся в Ульяновск, этот опыт решили распространить на всю республику. Но ни один из редакторов даже при поддержке правительства не смог найти инвесторов – не хватило касаткинской хватки, его умения аргументировать и жёстко отстаивать свою позицию.

Хотел бы ещё отметить, что у Бориса исключительное чутьё на талантливых людей. Его воспитанница Елена Воробьёва – одна из лучших журналисток Восточной Сибири. Директор северного совхоза Иван Переверзин, рискнув принести Касаткину свои стихи, получил поддержку и место на газетной полосе. Ныне Переверзин возглавляет Литературный фонд Союза писателей России. Инженер Сергей Москвитин стал популярным в Якутии прозаиком, членом СП, а разглядел его, пригласив работать в редакцию, опять же Борис Касаткин.

*Юрий Бескаотов,
заместитель начальника управления по связям
с общественностью акционерной компании «Алмазы России-Саха»*

* * *

– Прекрасный рассказ! Изумительный слог! Щемящая, трогаящая за душу история! И сколько же добра и жизненной силы в героях рассказа! Читаешь и погружаешься в колоритную атмосферу Севера. Я родом из Восточной Сибири, и скрип снега под валенками, который я услышала в этом рассказе, отозвался в моём сердце счастливыми воспоминаниями.

– Просто здорово написано. Рассказ «Марк Твен» – настоящая ода русскому языку, исполненный на прекрасном русском языке.

– Мне очень понравилось это эссе, или, точнее, рассказ. Тонкий сюжет, колоритный стиль. Низкий поклон автору за уважительное отношение к русскому слову, с его пера не упало ни одной кляксы.

*Из отзывов на конкурсное эссе Б. В. Касаткина
на сайте «Русское слово»*

* * *

Я благодарен Борису Касаткину за доброе отношение к людям, за то, что он с редким на сегодняшний день почтением относится к русскому слову. Это человек, помогающий сберечь честь и совесть поколений, искренне уважающий ценности, которые почитали наши деды и прадеды.

*Валентин Распутин,
русский писатель*

*Наш. корр.
Казань*